

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

**Читайте лучшие исторические
детективы Алины ЕГОРОВОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Ангел-хранитель

Сапфиры Айседоры Дункан

Рубины леди Гамильтон

Ведьмино яблоко раздора

Драгоценности Жозефины

Дар богов

Колдовской оберег

Медальон сюрреалиста

Судьба уральского изумруда

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Алина ЕГОРОВА

Судьба уральского
изумруда

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е30

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Оформление серии *Н. Кудри*

Редактор серии *О. Басова*

Егорова, Алина.

Е30 Судьба уральского изумруда / Алина Егорова. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-107929-1

С древности и до наших дней магическая красота самоцветов завораживает и толкает на преступление. Удивительный камень из уральских копей погубил не одного владельца. Выдержав все превратности российской истории, он сплел судьбы расчетливого авантюриста Льва Алексеевича Перовского, служащего при дворе Николая Первого, юной Нины, попавшей в фашистский плен в годы Второй мировой войны, ее внучки Алевтины, в душе которой теплится надежда на лучшую, яркую и счастливую жизнь, и многих других, кому не повезло оказаться причастными к этой истории...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Егорова А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-107929-1

*Посвящается
Ясне Канарской*

*1942 г. Соломино,
Белгородская область*

утарят, в Хермании каждому свой дом дают с участком: хочешь — картоплю сажай, хочешь — синенькие, хочешь, гарбузы выращивай. В общем, что хочешь, то и делай, — заключил Савелий. Он заглянул к куму за лопатой — у своей черенок сломался, а точнее — сломали.

— То все брехня! — авторитетно заявил кум Степан Кочубей. — Дулю тебе даст немчура, а не участок с домом! Ишь, размечтался!

— Это Советы все отобрали, а немцы дадут. Отчего же землю не дать, ежели работник добрый?

— Оно и видно, как дадут! Догонють и еще раз дадут — по хребту лопатой! — проворчал Степан. Немцам он не доверял, как не доверял любой власти, кроме царской.

— Сашок сам виноват — нечего было по двору шнырять, — стал оправдывать Савелий немецкого солдата, огревшего по спине соседского паренька его лопатой — от этого черенок и сломался.

— Выходит, моя Верка тоже виновата, что не вовремя за водой вышла, — рассердился кум. Бедная Вера стала первой жертвой в Соломине. Ее, как дичь, немцы гнали на мотоциклах ради забавы. Испуганная женщина бежала, что было сил, а когда споткнулась и упала, встать уже не смогла — ее беременный живот переехали мотоциклом.

— Даааа, — протянул Савелий, — с твоей племяшкой они не правы. Жаль, добрая баба была. Давай, что ль, помянем.

— От ведь! Они опять за свое! — всплеснула натруженными руками Пелагея. Она еще с улицы заметила Савелия и, как ведьма, влетела во двор через скрипучую калитку. Степан нарочно не смазывал петли калитки, чтобы слышать, как она открывается.

Савелий хозяйку дома побаивался — язык у Пелагеи был острым, как бритва, и рука тяжелая. Он взял лопату и поспешил уйти.

— Так я не понял, кум. Ты будешь записываться в Херманию или как? — ехидно спросил напоследок Степан.

— Я?! Нее, я не могу. Я думал, кто из ваших захочет.

— Захочет — не захочет... Запишут — и спрашивать не станут, — отрубил Пелагея. — В Черемошном открыли биржу, там всех посчитали и велели явиться с вещами на станцию. А кто не придет, казали, тех хаты сожгут вместе с родичами. Ой, що робится! Що робится! Лягуйте, люди!

— Да не голоси ты, Федоровна! Не так страшен черт, как его малюют, — высунулся Савелий из-за забора.

— Тебе хорошо болтать, ты один, как сыч. А у меня две дивчины. Нельзя им в Херманию — пропадут. Ганка хоть и бедовая, все равно за нее душа болит, а Нина — та совсем еще дитенок, едва шестилетку закончила.

— Да, вашей Ганке сам черт — не брат. Держись, Хермания! — усмехнулся Савелий. — Нина с такой сестрой, как за скалой. Ганка никому ее в обиду не даст. Она у вас що хлопец.

— Ладно тебе, холера, на дивчину брехать! — возмутилась Пелагея. — Иди лучше до своего двора, пока самого не обидели!

— Злая ты баба, Пелагея! Ну и то верно, мне пора, замешкался я с вами, — спохватился Савелий.

— Чего он приходил? — подозрительно пробурчала Пелагея, когда исчезла из виду косматая голова гостя.

— А шут его знает! Шатается по дворам, на работу в Херманию записываться агитирует.

— Гнать его надо было сразу в три шеи! — разозлилась Пелагея. — Бабы гутарят, что Савелий в старосты метит. Изуверам хочет служить!

— Оно, может, и к лучшему. Кум хоть и шкура, да свой. Может, через него мы какую поблажку получим.

— Тьфу ты! Не нужно нам ихних поблажек! Ничего не нужно! Выметались бы, фашисты проклятые, восвояси, подобру-поздорову! — злилась Пелагея. Она с остервенением сорвала с веревки застиранное белье, перекинула его через плечо и пошла в дом, покачивая пышными бедрами.

— Вот чертова баба! — произнес Степан. За эту горячность он и любил свою Пелагеюшку. Старшая дочь Ганна пошла в мать — такая же горячая и фигуристая. Вот только как бы эта горячность не довела их семью до беды.

Немцы что-то говорили и ржали, ржали и говорили.... Что они говорили, Нина разобрать не могла. Топот их сапог по деревянным половицам в сундуке воспринимался, как глухой стук. Речь — гортанная, неразборчивая. Словно каши в рот набрали, думала Нина. По немецкому у нее в школе была пятерка, но то в школе. Их Анна Назаровна на уроках говорит четко и внятно, совсем не так, как эти носители языка, что ворвались в их хату и сейчас всюду шарят.

— В огороде. Картопля в огороде. Идемте! — ровный голос отца.

— Нема ничего! Самим исты нечего! — отчаянный возглас матери.

— Пелагея! — Как догадалась Нина, отец сурово взглянул на маму. Он всегда так смотрел — и на маму, и на них с сестрой, когда

речь шла о чем-то важном. — Битэ, херы солдаты. В огород!

Выпроваживает! Из хаты выпроваживает! — обрадовалась Нина. Скорей бы ушли, а то ужасно надоело тут лежать! Сундук был с отверстиями для воздуха в задней стенке, так что дышать было терпимо, но приходилось скрючиваться в три погибели из-за тесноты. Сундук имел двойное дно и был изготовлен отцом специально для Нины. Рослая Ганна в сундук помещалась едва, и, как она сказала: лучше сдохнуть, чем в нем застрять! Ганну прятали в шифоньере за одеждой и мешками. Шифоньер у них тоже был с секретом: он стоял у стены с нишей. Отец не стал снимать заднюю стенку шифоньера, а сделал в ней потайную дверцу. На своем веку Степан Кочубей повидал революцию, раскулачивание, коллективизацию, доносы и аресты. Пригодится, считал он. Вот ниша и пригодилась.

Как ни странно, Нина сожалела, что успела спрятаться до того, как на пороге появились незваные гости. Если бы не родители, она бы показала немцам, что нисколько их не боится. В своих фантазиях девочка представляла, как она отважно сражается с фашистами: то с вилами гонит захватчиков прочь из села, то выхватывает у немца автомат, направляет его на врагов и они удирают, сверкая пятками, то верхом на коне и с красным флагом возглавляет народное сопротивление. В глубине души Нина по-

нимала, что силы неравны и что ее переломят, словно воробышка, но как же хотелось проявить героизм! Чтобы все, а особенно комсорг школы Витя Подьяченков, увидели, какая она храбрая и ловкая, сорвиголова, настоящая Жанна д'Арк! И совсем не такая, какой ее воспринимают в Соломине: ни мягкая, ни беззащитная, вовсе не кулема. А еще все, особенно родня, считают ее маленькой, а ей, между прочим, уже почти четырнадцать. Отец с матерью стесняются пояснять, зачем ей необходимо прятаться от немцев, они говорят, чтобы не поколотили. А она и без них знает — чтобы не ссильничали. Нина слышала, как незадолго до оккупации Соломина родители обсуждали, куда их с Ганкой девать. Мать причитала, говорила: «ссильничают дивчин! У Ганки хоть мужик был, а Нинка совсем малая». Мать хотела отправить их к родне в Ростов, а отец сказал, что в Ростов теперь не попасть, и придумал в старом дедовом сундуке соорудить двойное дно. Наверх набросал грязных тряпок, чтобы немцы, если заглянут, побрезговали бы в них копать, а низ оборудовал для Нины. Авось, бог милует.

В хате стихло. Родители то ли вышли, то ли сидели, как мыши, боясь издать звук. Нина повернула затекшую шею, чтобы прислонить ухо к щели. Прислушалась. Негромко брякнула посуда. Мама хлопочет по хозяйству, — определила Нина. Девочка тихо поскреблась по

стенке сундука — два коротких, как уговаривались.

— Сиди еще, оголтелая! — велела Пелагея. — А ну как вернутся?!

Раздался топот. Не быстрый, немецкий, а основательный, родной. Вернулся отец.

— Ушли, холера их дери!

Нина нетерпеливо зашебуршилась. Одновременно из шифоньера выбралась Ганна.

— Они что, нашу картоплю забрали?! Вот бесы проклятые! Креста на них нет! Сначала Советы все до нитки обирали — сколько ни зробишь, все в колхоз сдай. Теперь эти вурдалаки присосались! Шоб им поперек горла встало!

— Забрали, ироды! Що нам исты теперь?! — взвыла Пелагея.

— Прекратить лятунку! — скомандовал Степан. — Лихо разбудите! Найдем що исты. Сами целы, и слава богу!

— Нет сил терпеть это! Я лучше служить пойду, чем смотреть, как немчура здесь хозяйствует! — не унималась Ганна. Взгляд, полный решимости, подбородок вперед — Нина с восхищением смотрела на отважную сестру.

— Кому служить?! Красным?! — изумилась Пелагея. — Побойся бога, дочка! Это они, голытьба клятая, разорили родовую усадьбу Кочубеев в Диканьке, так что твоему отцу оттуда пришлось бежать и прятаться здесь. Они твоего деда расстреляли! И тебя в девятнадцать годов

вдовою сделали. Забрали мужика ни за что, вы с ним даже детей не успели народить.

Ганка задумалась: как ни желала она верить в обратное, а мать права — ее мужа Леню по нелепому обвинению в шпионаже арестовала и убила советская власть.

— А кому еще? Не немчуре же! — не желала мириться Ганна. — Подамся на восток, через Разумное, пока его немцы не заняли. Там, может, на фронт возьмут, а может, к хоспиталю прибьюсь, буду санитаркой.

— Я тоже на фронт! — выбралась из сундука Нина. — Ганка! Я с тобой хочу!

— Мала еще! — хором ответили мать с сестрой.

— В хоспиталь — це дило, — одобрил Степан. — Тут фриц надолго застрял, холера его дери! Житья от него не будет. А в хоспитале спокойнее и при харчах. Только как пробраться в то Разумное? В кольце мы, девоньки.

— А мы ночью, окольными дорогами! — загорелась идеей Нина.

— Кто это, мы?! Ты в хате останешься! — окоротила сестру Ганна.

— Ну, Ганн! — заканючила Нина. — Я буду тебя слушаться.

— Если пойдешь, то с Ниной! — велел отец. — Опасно ей тут оставаться. Когда фриц лютовать начнет, ни сундук, ни шифоньер не спасут. Это сегодня я их надурил, в следующий раз может не выйти.

Испуганная толпа, состоящая в основном из стариков, женщин и детей, стояла перед бывшим клубом, а ныне немецкой управой, в ожидании своей участи. Соломинцев сюда согнали быстро, не давая даже одеться-обуться. Дело происходило ранним утром, так что многие были подняты с постелей. Полицаи — в своем большинстве местные хлопцы, что отлынили от призыва, — хорошо знали, сколько в хатах народа, и нещадно выгоняли всех.

Люди держались семьями. Старшие, словно предвидя исход, заслоняли собой младших. Пузатый немец с погонами, непонятно какого звания, обращаясь к толпе, говорил на ломаной смеси всех известных ему славянских языков. Из его нервной речи следовало, что соломинцев ждет казнь, если они не выдадут партизана.

Наступила тишина, через полминуты прерванная суматошной бабой Михеихой:

— Лятуйте, люди! Що робится а-а-а!

Ее вопль подхватили другие бабы, раздался детский плач.

— Где партизан?! — повторил немец, направляя автомат на толпу.

По крикам и побелевшим лицам сельчан было видно, что они бы и выдали партизан, только их никто отродясь здесь не видел.

— Ложь — казнь! — разорвался пузан. — Партизан — казнь!

Он тряс в воздухе мятым листом бумаги, на котором кривыми буквами было написано: «Фашисты вон!!!»

— Кто писать?! Кто весить?! — Немец тыкал пальцем в сторону ворот клуба, на которых раньше вешали объявления и афиши.

— Казнь! Все!

— Да сознайся уже ты, падлюка! Все село погубят! — раздался истеричный женский крик.

Кричала Евдокия, жена кузнеца. На ее мужа еще в прошлом году пришла похоронка, а она осталась одна с пятью детьми — мал мала меньше. Дети, хныча, тулились к ее плотному телу. Полчаса назад на их глазах полицаи застрелили бабушку за то, что она отказалась идти к управе.

Не дождавшись признаний, очкастый немец отдал короткий приказ стрелять.

Истошные крики раздались раньше, чем из автоматов вылетели веера пуль. Кто-то инстинктивно успел упасть на землю, кого-то заслонили односельчане. Кровь, боль и страх. В воздухе повис дух смерти.

Когда стрельба прекратилась, Нина осторожно выползла из-под тяжелого тела отца. Рядом лежали мать и сестра.

— Ааааа! — завопила девочка. Она увидела кровь на отцовской рубахе.

— Мама! — Ганна трясла ватное тело матери.

Пелагея умерла мгновенно. Пуля попала ей в висок. Степан повалился на землю, закрывая

собой дочерей, как только увидел взмах автоматов. Он успел, а его жена — нет. Она, как любая женщина, замешкалась перед тем, как ложиться на землю. Секунду раздумывала: не замараются ли одежда? Пелагея всегда была аккуратной, ни в доме, ни во внешнем облике никогда не допускала неряшливости. Она даже белье во дворе вешала в особом порядке: светлое со светлым, темное с темным.

— Папа, ты ранен? — встревожилась Ганна.

— Это Петькина кровь. Вон он, лежит, горемычный. Идемте скорее отсюда, — приказал отец. Он сгреб дочерей и попятился прочь.

— А как же мама?! — уперлась Нина. Она рванула к телу матери. — Мы не можем ее тут оставить!

— Пойдем! Так надо! — поймал за руку младшую дочь Степан. — Ганна! Веди ее!

Крупный, неуклюжий и сильный Степан Кочубей походил на медведя. Возле клуба раздавались плач и крики. Выжившие оплакивали своих близких, а Степан, только что потерявший жену, невозмутимо направлялся домой. Казалось, у этого человека нет сердца и он не чувствует ни горя, ни страха. Страх действительно не было — Степан свое отбоялся, а горе... горе, огромное и невыносимое, он усилием воли держал глубоко внутри. Было не до переживаний — спасти бы дочерей. Он, прошедший Империалистическую войну, знал немчуру как облупленную. Сейчас